

Михаил Юрьевич  
**ЛЕРМОНТОВ**

*М. Лермонтов*



СОСНАВИ  
СЧАСТИЯ

Михаил Юрьевич Лермонтов

**Сказка для детей**  
(Поэмы)

# Содержание

1.....	0006
2.....	0007
3.....	0008
4.....	0009
5.....	0010
6.....	0011
7.....	0012
8.....	0013
9.....	0014
10.....	0015
11.....	0016
12.....	0017
13.....	0018
14.....	0019
15.....	0020
16.....	0021
17.....	0022
18.....	0023
19.....	0024
20.....	0025
21.....	0026
22.....	0027
23.....	0028
24.....	0029
25.....	0030

26 .....	0031
27 .....	0032
Примечания .....	0033

# Михаил Юрьевич Лермонтов

## Сказка для детей

Умчался век эпических поэм,  
И повести в стихах пришли в упа-  
док;  
Поэты в том виновны не совсем,  
(Хотя у многих стих не вовсе гла-  
док);  
И публика не права между тем.  
Кто виноват, кто прав – уж я не  
знаю,  
А сам стихов давно я не читаю —  
Не потому, чтоб не любил сти-  
хов,  
А так: смешно ж терять для  
звучных строф  
Златое время... в нашем веке зре-  
лом,  
Известно вам, все заняты мы де-  
лом.

## 2

Стихов я не читаю – но люблю  
Марать шутя бумагу лист лету-  
чий;  
Свой стих за хвост отважно я  
ловлю;  
Я без ума от тройственных созву-  
чий  
И влажных рифм – как например  
на ю.  
Вот почему пишу я эту сказку.  
Ее волшебной-темную завязку  
Не стану я подробно объяснять,  
Чтоб кой-каких допросов избе-  
жать;  
Зато конец не будет без морали,  
Чтобы ее хоть дети прочитали.

*Герой известен, и не нов предмет;  
Тем лучше: устарело всё, что ново!*

*Кипя огнем и силой юных лет,  
Я прежде пел про демона иного:  
То был безумный, страстный,  
детский бред.*

*Бог знает где заветная тетрадка?*

*Касается ль душистая перчатка  
Ее листов – и слышно: c'est joli?..[1]  
Иль мышь над ней старается в  
пыли?..*

*Но этот чорт совсем иного сорта —*

*Аристократ и не похож на чорта.*



# 4

*Перенестись теперь прошу сейчас  
За мною в спальню: розовые што-  
ры  
Опушены, с трудом лишь может  
глаз  
Следить ковра восточные узоры.  
Приятный трепет вдруг объем-  
лет вас,  
И девственным дыханьем напоен-  
ный  
Огнем в лицо вам пышет воздух  
сонный;  
Вот ручка, вот плечо, и возле них  
На кисее подушек кружевных  
Рисуется молодой, но строгий про-  
филь...  
И на него взирает Мефистофель.*

# 5

*То был ли сам великий Сатана  
Иль мелкий бес из самых нечинов-  
ных,  
Которых дружба людям так  
нужна  
Для тайных дел, семейных и лю-  
бовных?  
Не знаю! Если б им была дана  
Земная форма, по рогам и пла-  
тью  
Я мог бы сволочь различить со  
знатью;  
Но дух – известно, что такое дух!  
Жизнь, сила, чувство, зренье, го-  
лос, слух —  
И мысль – без тела – часто в ви-  
дах разных;  
(Бесов вообще рисуют безобраз-  
ных.)*

*Но я не так всегда воображал  
Врага святых и чистых побужде-  
ний.*

*Мой юный ум, бывало, возмущал  
Могучий образ; меж иных виде-  
ний,*

*Как царь, немой и гордый, он сиял  
Такой волшебной-сладкой красо-  
тою,*

*Что было страшно... и душа тос-  
кою*

*Сжималась – и этот дикий бред  
Преследовал мой разум много  
лет.*

*Но я, расставшись с прочими меч-  
тами,*

*И от него отделался – стихами!*

*Оружие отличное: врагам  
Кидаете в лицо вы эпиграммой...  
Вам насолить захочется ль дру-  
зьям?*

*Пусть в них поэмой или дра-  
мой!*

*Но полно, к делу. Я сказал уж вам,  
Что в спальне той таился хит-  
рый демон.*

*Невинным сном был тронут не  
совсем он.*

*Не мудрено: кипела в нем не  
кровь,*

*И понимал иначе он любовь;*

*И речь его коварных искушений*

*Была полна: ведь он недаром ге-  
ний!*

«Не знаешь ты, кто я – но уж давно  
Читаю я в душе твоей; незримо,  
Неслышно говорю с тобою, – но  
Слова мои, как тень, проходят  
мимо  
Ребяческого сердца, – и оно  
Дивится им спокойно и в молчанье, —  
Пускай! Зачем тебе мое названье?  
Ты с ужасом отвергнула б мою  
Безумную любовь – но я люблю  
По-своему... терпеть и ждать могу я,  
Не надо мне ни ласк, ни поцелуя.

*«Когда ты спишь, о ангел мой  
земной,  
И шибко бьется девственной кровью  
Младая грудь под грезю ночной,  
Знай, это я, склонившись к изголовью,  
Любуюся – и говорю с тобой;  
И в тишине, наставник твой случайный,  
Чудесные рассказываю тайны...  
А много было взору моему  
Доступно и понятно, потому  
Что узами земными я не связан,  
И вечностью и знанием наказан...»*

*«Тому назад еще немного лет  
Я пролетал над сонною столицей.  
Кидала ночь свой странный полу-  
свет,  
Румяный запад с новою денницей  
На севере сливались, как привет  
Свидания с молением разлуки;  
Над городом таинственные зву-  
ки,  
Как грешных снов нескромные  
слова,  
Неясно раздавались – и Нева,  
Меж кораблей сверкая на просто-  
ре,  
Журча, с волной их уносила в мо-  
ре.*

*«Задумчиво столбы дворцов  
немых*

*По берегам теснились, как тени,  
И в пене вод гранитных крылец их  
Купались широкие ступени;  
Минувших лет событий роковых  
Волна следы смывала роковые,  
И улыбались звезды голубые,  
Глядя с высот на гордый прах зем-  
ли,  
Как будто мир достоин их любви,  
Как будто им земля небес доро-  
же...  
И я тогда... я улыбнулся тоже.*



*«И я кругом глубокий кинул  
взгляд  
И увидал с невольною отрадой  
Преступный сон под сению палат,  
Корыстный труд под тощею лам-  
падой,  
И страшных тайн везде печаль-  
ный ряд;  
Я стал ловить блуждающие зву-  
ки,  
Веселый смех и крик последней  
муки:  
То ликовал иль мучился порок!  
В молитвах я подслушивал упрек,  
В бреду любви – бесстыдное жела-  
нье;  
Везде – обман, безумство иль  
страданье!»*

*«Но близ Невы один старинный  
дом  
Казался полн священной тиши-  
ною.  
Всё важностью наследственной в  
нем  
И роскошью дышало вековою;  
Украшен был он княжеским гер-  
бом;  
Из мрамора волнистого колонны  
Кругом теснились чинно, и балко-  
ны  
Чугунные воздушною семьей  
Меж них гордились дивною резь-  
бой;  
И окон ряд, всегда прозрачно-тем-  
ных,  
Манил, пугая, взор очей нескром-  
ных.*

*«Пора была, боярская пора!  
Теснилась знать в роскошные по-  
кои —  
Былая знать минувшего двора,  
Забытых дел померкшие герои!  
Музыкой тут гремели вечера,  
В Неве дробился блеск высоких  
окон,  
Напудренный мелькал и вился ло-  
кон;  
И часто ножка с красным каблуч-  
ком  
Давала знак условный под сто-  
лом;  
И старики в звездах и бриллиан-  
тах  
Судили резко о тогдашних фран-  
тах.*

*«Тот век прошел, и люди те прошли.*

*Сменили их другие; род старинный*

*Перевелся; в готической пыли*

*Портреты гордых бар, краса гостиной,*

*Забытые, тускнели; поросли*

*Дворы травой, и блеск сменив бывалый,*

*Сырая мгла и сумрак длинной залой*

*Спокойно завладели... Тихий дом*

*Казался пуст; но жил хозяин в нем,*

*Старик худой и с виду величавый,*

*Озлобленный на новый век и нравы.*

«Он ростом был двенадцати  
вершков,  
С домашними был строг неумо-  
лимо;  
Всегда молчал; ходил до двух ча-  
сов,  
Обедал, спал... да иногда, томи-  
мый  
Бессонницей, собранье острых  
слов  
Перебирал или читал Вольтера.  
Как быть? Сильна к преданьям в  
людях вера!..  
Имел он дочь четырнадцати лет;  
Но с ней видался редко; за обед  
Она являлась в фартучке, с мада-  
мой;  
Сидела чинно и держалась прямо.

«Всегда одна, запугана отцом  
И англичанки строгостью  
небрежной,  
Она росла, как ландыш за стек-  
лом  
Или скорей как бледный цвет под-  
снежный.  
Она была стройна, но с каждым  
днем  
С ее лица сбегали жизни Краски,  
Задумчивей большие стали глаз-  
ки;  
Покинув книжку скучную, она  
Охотнее садилась у окна,  
И вдалеке мечты ее блуждали,  
Пока ее играть не посылали.

*«Тогда она сходила в длинный зал,  
Но бегать в нем ей как-то страшно  
было;  
И как-то странно детский шаг  
звучал  
Между колонн; разрытою моги-  
лой  
Над юной жизнью воздух там ды-  
шал.  
И в зеркалах являлись предметы  
Длиннее и бесцветнее, одеты  
Какой-то мертвой дымкою; и  
вдруг  
Неясный шорох слышался вокруг:  
То загремит, то снова тише, ти-  
ше...  
(То были тени предков – или мы-  
ши!)*

*«И что ж? – она привыкла толковать  
По-своему развалин говор странный,  
И стала мысль горячая летать  
Над бледною головкой и туманный,  
Воздушный рой видений навевать.  
Я с ней не разлучался. Детский лепет  
Подслушивать, невинной груди трепет  
Следить, ее дыханием с немой,  
Мучительной и жадною тоской,  
Как жизнью, упиваться... это было  
Смешно! – но мне так ново и так мило!*



*«Влюбился я. И точно хороша  
Была не в шутку маленькая Нина.  
Нет, никогда свинец карандаша  
Рафаэля, иль кисти Перуджина  
Не начертали, пламенем дыша,  
Подобный профиль. Все ее движе-  
нья  
Особого казались выраженья  
Исполнены. Но с самых детских  
дней  
Ее глаза не изменяли ей,  
Тая равно надежду, радость, горе;  
И было темно в них, как в синем  
море.*

«Я понял, что душа ее была  
Из тех, которым рано всё понят-  
но.

Для мук и счастья, для добра и  
зла

В них пищи много; – только невоз-  
вратно

Они идут, куда их повела

Случайность, без раскаянья, упре-  
ков

И жалобы. Им в жизни нет уро-  
ков;

Их чувствам повторяться не да-  
но...

Такие души я любил давно

Отыскивать по свету на свободе:

Я сам ведь был немножко в этом  
роде!

*«Ее смущали странные мечты.  
Порой она среди пустого зала  
Сиянье, роскошь, музыку, цветы,  
Толпу гостей и шум воображала;  
Кипела кровь от душной тесно-  
ты;  
На платьице чудесные узоры  
Виднелись ей, – и вот гремели  
шпоры,  
К ней кавалер незримый подходил  
И в мнимый вальс с собою уносил;  
И вот она кружилась в вихре бала  
И утомясь на кресло упадала...»*

«И тут она, склонив лукавый взор  
И выставив едва приметно нож-  
ку,  
Двусмысленный и темный разгово-  
вор  
С ним завести старалась поне-  
множку;  
Сначала был он весел и остёр,  
А иногда и чересчур небрежен;  
Но под конец зато как мил и  
нежен!  
Что делать ей? – притвор-  
но-строгий взгляд  
Его, как гром, отталкивал назад,  
А сердце билось в ней так шибко,  
шибко,  
И по устам змеилась улыбка.

«Пред зеркалом, бывало, целый час  
То волосы пригладит, то красивый  
Цветок пришиллит к ним; движенью  
Глаз,  
Головке наклоненной вид ленивый  
Придав, стоит... и учится; не раз  
Хотелось мне совет ей дать лукавый;  
Но ум ее и сметливый и здравый  
Отгадывал всё мигом сам собой;  
Так годы шли безмолвной чередой;  
И вот настал тот возраст, о котором  
Так полны ваши книги всяким вздором.

«То был великий день: семна-  
дцать лет!  
Всё, что досель таилось за ре-  
шеткой,  
Теперь надменно явится на свет!  
Старик-отец послал за старой  
теткой,  
И съехались родные на совет.  
Их затруднял удачный выбор ба-  
ла.  
Что? будет двор иль нет? – Иных  
пугала  
Застенчивость дикарки молодой;  
Но очень тонко замечал другой,  
Что это вид ей даст оригиналь-  
ный;  
Потом наряд осматривали баль-  
ный.

«Но вот настал и вечер роковой.  
Она с утра была, как в лихорадке;  
Поплакала немножко, золотой  
Браслет сломала, в суетах пер-  
чатки  
Разорвала... со страхом и тоской  
Она в карету села и дорогой  
Была полна мучительной трево-  
гой;  
И выходя споткнулась на крыль-  
це.  
И с бледностью печальной на ли-  
це  
Вступила в залу... Странный шо-  
пот встретил  
Ее явленье: свет ее заметил.

*«Кипел, сиял уж в полном блеске  
бал.*

*Тут было всё, что называют све-  
том...*

*Не я ему название это дал,  
Хоть смысл глубокий есть в на-  
звании этом.*

*Своих друзей я тут бы не узнал;  
Улыбки, лица лгали так искусно,  
Что даже мне чуть-чуть не ста-  
ло грустно.*

*Прислушаться хотел я – но едва  
Ловил мой слух летучие слова,  
Отрывки безыменных чувств и  
мнений —*

*Эпиграфы неведомых творений!..*

.....



# Примечания

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 30 (отдельные листы). Существует черновой автограф того же текста без заглавия – ИРЛИ, оп. 1, № 14 (отдельные листы).

Опубликована впервые в «Отеч. записках» (1842, т. 20, отд. I, стр. 116–123).

В тексте первой публикации отсутствуют стихи 33 и 115–116, очевидно исключенные цензурой. Под текстом дата: «1841 год». На этом основании 1841 годом датируют поэму П. А. Ефремов (Соч. под ред. Ефремова, т. I, стр. 148) и Арс. И. Введенский (Соч. под ред. Введенского, т. 2, ч. I, стр. 94). Однако указанную дату нельзя считать достоверной. В Соч. под ред. Висковатова (т. 2, стр. 348) высказывается предположение, что поэма писалась не позже 1840 года, так как, отправляясь в 1840 году в ссылку на Кавказ, Лермонтов передал все свои рукописи А. А. Краевскому. Между ними находилась и «Сказка для детей». В Соч. под ред. Болдакова (т. 2, стр. 430–433) поэма датируется второй половиной 1839 года.

Наиболее существенным основанием для датировки поэмы по содержанию являются строки в черновом тексте, заключающие отклик на международные события, злободневность которых поэт подчеркивает:

*Меж тем о благе мира чуждых  
стран  
Заботимся, хлопочем мы не в ме-  
ру,  
С Египтом новый сладил ли сул-  
тан?  
Что Тьер сказал – и что сказали  
Тьеру?*

Лермонтов имеет здесь в виду турецко-египетский конфликт 1839–1841 годов и особую заинтересованность, которую проявляла Франция по отношению к Турции в это время. В июле 1839 года на турецкий престол вступил новый султан Абдул-Меджид. Отсюда можно заключить, что поэма написана не ранее середины 1839 года (Соч. под ред. Болдакова, т. 2, стр. 432). Высказывалось предположение, что поэма не могла быть написана ранее марта 1840 года, так как министр Адольф Тьер, о котором говорится в приведенном тек-

сте, возглавил новый французский кабинет только первого марта этого года («Ученые записки Лен. Гос. университета», № 87), Серия гуманитарных наук, Саратов, 1943, стр. 169–171; ср. Соч. изд. библиотеки «Огонек», т. 2, стр. 495). Однако уже летом и осенью 1839 года возникали слухи об образовании нового французского кабинета с Тьером во главе. В это время газеты усиленно писали о том, «что Тьер сказал и что сказали Тьеру» (см.: «Сев. пчела». 1839, 9—11 августа, №№ 177–179, и 18 октября, № 235). Таким образом, стих о Тьере мог быть написан и до того, как Тьер стал главой кабинета. В конце апреля 1840 года Лермонтов был сослан на Кавказ. Трудно допустить, что Лермонтов начал работу над поэмой в ссылке. В 1841 году турецко-египетский конфликт был разрешен, и события, связанные с ним, к этому времени утратили свою злободневность. По совокупности всех данных, поэма могла быть написана не ранее августа 1839 и не позднее весны 1840 года.

«Сказка для детей» – незаконченное произведение. Но и по содержанию, и по совершенству поэтического языка она занимает значи-

тельное место в творчестве Лермонтова. Поэма представляет собой определенный этап в работе Лермонтова над темой Демона, низведенного здесь с высот романтической абстракции в реальную общественную среду. «Снижение» образа подчеркивается бытовым колоритом повествования о жизни одного из аристократических домов, ироническими и шутливыми авторскими отступлениями, декларативным отказом от канонов романтической поэтики. Во всем этом проявилось несомненное поэтическое родство поэмы с «Домиком в Коломне» Пушкина. Но в то же время пародийные интонации в «Сказке для детей», оттененные самим заглавием поэмы, сочетаются с глубоко лирическими мотивами. Лиричен прежде всего образ Нины, лиричен пейзаж, лиричны строки, содержащие намек на трагедию 14-го декабря.

В обзоре литературы за 1842 год В. Г. Белинский называет «Сказку для детей» лучшим и самым зрелым из творений поэта (Белинский, т. 8, стр. 20). Это высказывание критика послужило для некоторых исследователей доводом в защиту той точки зрения, что

«Сказка для детей» представляет собой произведение законченное, обрывающееся намеренной недоговоренностью (Соч. изд. библиотеки «Огонек», т. 2, стр. 496). Существует и другая гипотеза, по которой сюжет «Сказки для детей» непосредственно связывается с сюжетом «Сашки», а самые поэмы рассматриваются как фрагменты единого, но неосуществленного замысла (Соч. изд. «Academia», т. 3, стр. 619).

Обе эти гипотезы не имеют достаточных фактических подтверждений. О том, что поэт не довел до конца работу над поэмой, говорит прежде всего сам состав произведения: текст появившихся 27 строф не замыкает ни одной из начатых сюжетных линий. Возможно, что «Сказка для детей» является незавершенной попыткой осуществить возникший у поэта еще в 1831 году замысел «написать длинную сатирическую поэму: Приключения Демона» (См.: «Планы и наброски»).

# Сноска

Это мило?.. (Франц.)

[^^^]